

Алексей Митрофанов
Солянка

Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

**Солянка. Прогулки
по старой Москве**

«Издательские решения»

Митрофанов А.

Солянка. Прогулки по старой Москве / А. Митрофанов —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-930433-9

Улица Солянка — небольшая, кривенькая, задушевная. Вроде бы и центр, но пресловутый «тихий центр», который до сих пор по неизведанным причинам остается тихим. Да, там ездят машины и даже троллейбусы. Но все равно — есть ощущение старой, заповедной, замшелой Москвы.

ISBN 978-5-44-930433-9

© Митрофанов А.
© Издательские решения

Содержание

На руинах гостиницы	6
Среднерядье	14
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Солянка

Прогулки по старой Москве

Алексей Митрофанов

© Алексей Митрофанов, 2018

ISBN 978-5-4493-0433-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Улица Солянка – небольшая, кривенькая, задушевная. Вроде бы и центр, но пресловутый «тихий центр», который до сих пор по неизведанным причинам остается тихим. Да, там ездят машины и даже троллейбусы. Но все равно – есть ощущение старой, заповедной, замшелой Москвы.

Собственно, – Солянка это часть древней Владимирки. Что понятно, ведь направление улицы восточное, при желании отсюда очень просто выбраться на пресловутое шоссе Энтузиастов – тоже часть Владимирского тракта, названного так уже при советской власти в честь заключенных царского периода. При этом предполагалось, что «все они, убийцы или воры», в действительности – борцы за свободу рабочего класса. Пусть даже путем убийства или воровства. Это у них протест такой, да и среда заела.

Мы, однако, выберем иное направление (одной улицей Солянкой, разумеется, не ограничимся, она в длину всего-то полкилометра). Варварка – Славянская площадь – Солянский проезд – Солянка – Яузская улица – Верхняя Радищевская улица – Таганская площадь – Таганская улица.

А дальше – куда любопытство заведет.

На руинах гостиницы

Гостиница «Россия» (Варварка, 6) построена в 1963—1969 годах по проекту архитектора Д. Чечулина. В настоящее время снесена.

Первая часть нашего маршрута – Варварка (во времена СССР – улица Разина), самая южная улица Китай-города. До революции славилась обилием церквей и разудалых кабаков, что нашло отражение в литературе. В частности, именно на этой улице происходит действие песни на стихи Л. Трефолева про камаринского мужика:

И как на улице Варваринской
Спит Касьян, мужик камаринский.
Борода его схохлоченная,
Вся дешевочкой подмоченная.
Свежей крови струи алые
Да покрывают щечки впалые.
Уж ты милый друг, голубчик мой Касьян,
Да а сегодня ты вменинник, значит – пьян.

Правда, ярославцы полагают, что имеется в виду другая улица – Варваринская в Ярославле. Но у москвичей иное мнение.

Зато уж принадлежность старого московского романса «Шел я улицей Варваркою» не оспаривает никто:

Шел я улицей Варваркою
Со знакомою кухаркою
На праздничек в воскресенье,
Завернул я в заведение;
Приказал чайку две парочки:
Для себя и для кухарочки
И для пущего веселия —
Смирновского изделия
Приказал подать бутылочку,
Угостить свою я милочку...

Самым же примечательным местом Варварки был так называемый Варварский крестец – площадь в начале улицы. Аполлинарий Васнецов писал о ней: «Шумная суетливая жизнь кипела на этом бойком месте старой Москвы. Здесь находились кружала и харчевни, погреб с фряжскими винами, продаваемыми на вынос в глиняных и медных кувшинах и кружках... Пройдет толпа скоморохов с сопелями, гудками и домбрами. Раздастся оглушительный перезвон колоколов на низкой деревянной на столбах колокольне. Разольется захватывающая разгульная песня пропившихся до последней нитки бражников... Гремят цепи выведенных сюда для сбора подаяния колодников. Крик юродивого, песня калик-перехожих».

Словом, Варварка – место знатное.

В 1933 году Варварку переименовали в улицу Степана Разина – поскольку именно по ней везли Степана на расправу. В 1990-е прежнее название вернули.

* * *

Вообще-то в городе существуют две Варварки: левая и правая. Левая – типичный Китай-город со своей мелочной, суетной жизнью. Здесь – смешение контор, магазинчиков, фирм и табличек. Это Китай-город, описанный Петром Боборькиным: «Тяжелый, неуклюжий, покачнувшийся корпус глядит на две улицы. Посредине он сел книзу; к улицам идут подъемы. Из рядов к мостовой опускаются каменные ступени или деревянные мостки с набитыми брусьями, крутые, скользкие, в слякоть грозящие каждому – и трезвому – прохожему. Внизу, в подпольном этаже, разместились подвалы и лавки».

Лавка посовременней, помоднее, выглядела так: «На двух створах с дубовыми дверями медные доски, старательно очищенные, ярко выставляли рельефные слова: „Мирона Станицына сыновья“. Снаружи через стекла дверей просвечивали белые стены, чугунная лестница во второй этаж, широкое окно в глубине, правее – перила и конторки. Никакого товара не было видно ни на полу, ни по стенам... Амбар был из самых поместительных и шел под крышу. В верхнем этаже – также с галереей – находились склады товара, материй и сукон».

Суть, однако же, была одна – предпринимательская.

Правая сторона – разговор особый. Черета уютных церковок и зданий, более чем старинных. А до недавних пор за ними возвышалось здание гостиницы «Россия».

Строили ее с 1963 по 1969 год по проекту Дмитрия Чечулина. До того здесь была прелестная путаница кривеньких переулков и низеньких домиков – увлекательные лабиринты Зарядья.

Особенно придиричивые современники сетовали на запущенное состояние этого района. Путеводитель «По Москве» издательства Сабашниковых (1917 год) брезгливо сообщал: «Мытным переулком, очень узким, сплошь занятым лавками, мы выходим в местность, известную под названием „Зарядье“ (переулок Зарядьевский). Это та часть Китай-города, которая находится за торговыми рядами. Теперь это одна из самых грязных и скученных местностей, и промышленных предприятий, и лавок, принадлежащих представителям всех национальностей: тут и персы, и армяне, и евреи, и русские».

Правда, впоследствии путеводитель добавляет, словно извиняясь: «Прогулка по этому совершенно своеобразному кварталу Москвы, имеющему громадное значение в торговой жизни нашей столицы, очень интересна и поучительна».

Кстати, к середине девятнадцатого века в Москве действительно образовалась по сути новая слобода – еврейская. Евреям разрешили временное жительство в Москве в том случае, если они являлись купцами. И место им определили – Зарядье.

Литератор Иван Белоусов писал в мемуарах: «Некоторые переулки представляли собой в буквальном смысле еврейские базары, ничем не отличающиеся от базаров каких-нибудь захолустных местечек на юге – в черте оседлости. Торговки-еврейки с съестными припасами и разным мелким товаром располагались не только на тротуарах, но прямо на мостовой. По переулкам были еврейские мясные, колбасные лавочки и пекарни, в которых к еврейской Пасхе выпекалось огромное количество мацы – сухих лепешек из пресного теста – опресноков. Зарядские еврейские пекарни выпекали мацу не только для местного населения, но и отправляли ее в другие города.

При мясных лавках имелись свои резники, так как по еврейскому закону птица или скот должны быть зарезаны особо посвященными для этого дела людьми – резниками... Много было в Зарядье и ремесленников-евреев, большей частью они занимались портновским, шапочным и скорняжным ремеслом».

Особенно же колоритно выглядела эта местность в дни еврейских праздников: «С молитвенниками в руках, в длиннополых, чуть ли не до самых пят, сюртуках, в бархатных картах... из-под которых выбивались длинные закрученные пейсы, евреи толпами шли посреди мостовой – в этот день им запрещалось ходить около домов, потому что у стен копошилась

нечистая сила. Набережная Москвы-реки против Проломных ворот в этот день была сплошь унижена черными молящимися фигурами.

Перед праздником Пасхи набережная реки у спусков к воде наполнялась еврейскими женщинами, моющими посуду.

По закону, стеклянная посуда, употребляемая на Пасхе, должна была три дня пролежать в воде; но в то время, которое я помню, этого не делалось, а просто ходили на реку и там мыли посуду.

Медная и железная посуда очищалась огнем, а фарфоровая, глиняная и деревянная совсем уносилась из дома и убиралась в сарай. У более богатых людей этот сорт посуды к каждой Пасхе заменялся новой.

Женщины-еврейки в этой церемонии не принимали никакого участия, они даже и вообще не принимали участия в богослужениях в синагогах».

Словом, было на что посмотреть в этом самом Зарядье русскому пареньку.

* * *

Разнообразие форматов Зарядья поражало. Тот же мемуарист записывал: «Зарядье – местность, лежащая ниже Варварки, граничащая со стороны Москвы-реки Китайгородской стеной с Проломными воротами, состояла из сети переулков: Псковского, Знаменского, Ершовского, Мокринского, Зарядского и Кривого. Вся эта местность была заселена мастеровым людом; некоторые дома сплошь были наполнены мастеровыми: тут были портные, сапожники, картузники, токари, колодочники, шапочники, скорняки, кошелевщики, пуговичники, печатники, – печатавшие сусальным золотом на тульях шапок и картузов фирмы заведений... Несмотря на то, что владельцами домов были известные богачи, как Варгин, Берг, Василенко, Толоконников, сами они не жили в этих домах, которые были построены специально для сдачи бедному ремесленнику или служащему люду, и тип построек был самый экономный: для того, чтобы уменьшить число лестниц и входов, с надворной части были устроены длинные галереи или, как их называли, – «галдарейки». С этих «галдареек» в каждую квартиру вел только один вход.

На «галдарейках» в летнее время располагались мастеровые со своими работами: сапожники сидели на «липках» и стучали молотками, еврей-скорняки делали из польских – камчатских бобров или сшивали лоскутья меха, хозяйки выходили со своим домашним шитьем, около них вертелась детвора. А по праздникам на «галдарейках» собирались хоры и пелись песни... В темных, грязных подвалах Зарядских домов ютилось много гадалок; некоторые из них славились на всю Москву и к ним приезжали погадать богатые замоскворецкие купчихи. Такие «известные» гадалки занимали прилично обставленные квартиры и занимались своим ремеслом открыто, благодаря взяткам полиции, которая по закону должна бы преследовать их.

Мелкие гадалки имели своих зазывальщиц, они стояли у ворот и предлагали прохожим погадать у их хозяек».

Гадалки и впрямь были знатные. Одна из современниц, Вера Харузина даже рассказала про типичный визит к одной из таких деятельниц: «Один раз, разыскивая новую гадалку, мы попали в трущобы тогдашнего Зарядья. Узкие грязные улицы, кишачие еврейской беднотой. Улитая помоями лестница, на нижней ступеньке ее играющие всклокоченные, исхудалые, черноглазые дети чужого типа. Характерный запах чеснока. В грязной комнате на просиженном дырявом диване, в запачканном ситцевом капоте грузная немолодая еврейка с мясистым лицом и круглыми глазами, перебирающая заплывшими пальцами засаленные карты... Это была профессиональная гадалка; кругом сидело несколько женщин, ожидающих очереди, а гадалка изрекала предсказания, поводя своими круглыми глазами. И она сама, и вся обстановка производили отвратительное впечатление».

Но гадалками Зарядье не исчерпывалось. Иван Алексеевич Белоусов описал так называемые головные лавки – в них вываривали легкие, сердце, печенку, горло, рубец и целые головы крупного рогатого скота, из которых получали щековину. Эту снедь раскупали лотошники и бойко торговали ей на московских улицах. А чтобы голье не остывало, его покрывали на лотках тряпками. «Можно было купить на копейку, на две печенки и легкого с горлом, но были и более дорогие продукты, так, например, состоятельные мастера иногда посылали учеников прямо покупать в головные лавки обрезки кожи и жира с окороков ветчины: таких обрезков менее как на пятак не отпускали. Там же можно было купить кость от окорока, которая, судя по остаткам содержимого на ней, стоила от 10 до 15 копеек. С этой кости нарезалось довольно порядочно ветчины, конечно, жилистой и заветренной. Такие закуски на языке мастеровых назывались „собачьей радостью“».

Кроме этих «радостей» продавали рубцы, завернутые в трубки и обвязанные мочалой, горячие кишки, фаршированные гречневой кашей, пирожки, по пять копеек за пару. Последние – самые разнообразные: в мясные дни – с мясом, с ливером, с капустой и яйцом, с молочной кашей, с творогом, а в постные – с рисом-рыбой, с капустой-луком, с грибами, с вареньем. Были и подовые пирожки с мясом, с рисом, изюмом, с творогом и «небольшие пирожки, в виде ушков, начиненные мясом с луком; эти пирожки разносились в особых ящичках, внутри которых находились металлические бачки, – в них-то в растопленном горячем масле и плавали эти пирожки». Ну и конечно, весьма были распространены пирожки-расстегайчики – начинка в них не закрыта тестом, отчего пирожок словно расстегнут (отсюда и название). Расстегайчик клался на блюдечко, посыпался солью, перцем, смазывался маслом и заливался подливкой из рыбного или мясного бульона, который держали в металлических узкогорлых кувшинах.

Нравы царили соответствующие. Газета «Московский листок» сообщала в конце позапрошлого века: «Проживающий в доме Трусевича, в Мокринском переулке, крестьянин Покровского уезда Иван Ефимов Куликов затеял ссору со своим жильцом, Александром Борисоглебским, который, придя в азарт, кинулся на Куликова и откусил ему правую ноздрю, прокусил правую щеку и искусал все пальцы. Искусанный отправлен в больницу. По заключению врача, означенные повреждения требуют тщательного лечения».

А что вы хотели, тут, чай, не Версаль!

* * *

При советской власти Зарядье стало живым памятником ушедшей эпохи. А. Февральский вспоминал: «Однажды, уже в тридцатых годах, подходя к Проломным воротам, на примыкавшем к ним старом доме Псковского переулка я к своему удивлению разглядел полустершуюся немецкую надпись рукописными буквами: „Zum brauen Hund“ („У коричневой собаки“), видимо, там когда-то был трактир или постоялый двор для немецких купцов. А поблизости, в одном из дворов того же переулка, находился доходный дом, где обитала беднота, с арками-переходами между корпусами (в три этажа). Это здание С. М. Эйзенштейн снимал в фильме „Стачка“».

Так Зарядье и сделалось наглядным материалом.

* * *

В конце концов, всю эту красоту снесли – здесь планировалось возвести восьмую по счету «высотку». Но строительство затягивалось, а со смертью Сталина и последовавшей вслед за этим борьбой с «архитектурными излишествами» проект и вовсе стал неактуальным.

В результате возникла «Россия».

Путеводители описывали ее исключительно в восторженных тонах: «Светлые, устремленные ввысь 12-этажные корпуса гостиницы покоятся на мощном стилобате из красного гра-

нита». «Кресла зрительного зала снабжены наушниками». «Пассажирских и грузовых лифтов почти сто». «Более 5300 гостей столицы». И так далее.

Разумеется, нашлись литераторы и стихотворцы, посчитавшие своим долгом поприветствовать московскую новинку. Стихи, как и путеводители, не отличались вдумчивостью, зато были несоразмерно бравурны – будто бы речь шла не о гостинице, а, например, о новом городе или же государстве, пусть и небольшом. Вот, например, произведение Никанора Батурлина под названием «Зарядье»:

Зарядье! Под стрелюю крана
Твое начало и конец.
Зарядье – щебень в котлованах,
Зарядье – мраморный дворец!
Где был когда-то бой кулачный
Под небом горестных тревог,
Теперь в ряду с кремлевской башней
Дворец – как встреча двух эпох.

На последнюю фразу и возразить нечего, вот только в гостиницу «Россия» запросто было не войти – бдительный швейцар всегда на страже. Да и с мрамором в «России» имелись, мягко говоря, проблемы.

А народ, разумеется, сразу же отреагировал байками и слухами. Говорили, что в сравнении с новой «Россией» собор Василия Блаженного, да и сам Кремль вдруг сразу начали смотреться позавчерашними несвежими тортами. Ерничали по поводу того, что раньше Василий Блаженный смотрелся на фоне чистейшего неба, а сейчас – на фоне гостиницы. Поговаривали, что и сами архитекторы, увидев этот ракурс с Красной площади, принялись посыпать головы пеплом – ведь они при проектировании пользовались общедоступными картами Москвы, а карты тогда, как известно, все сплошь были с искажениями – для того, чтобы шпионы заблудились.

Те же, кто пообразованнее, называли гостиницу «чечулинским сундуком». Они знали фамилию автора и этим гордились. А сундук – поскольку посреди этого комплекса торчала ручка-башенка. Опять же, поговаривали, что первоначально собирались всю гостиницу сделать такой высокой, как и ручка в центре, именно с нее и начали строительство. Но кто-то из кремлевских высокопоставленных товарищей вовремя возмутился – как же так, ну ничего святого нету у людей. Ручку решили все-таки не разбирать, но высоту прочих корпусов отеля быстренько откорректировали.

Так или иначе, новая огромная гостиница для города, пусть и столичного, однако же не приспособленного для приема должного числа приезжих, оказалась очень даже кстати.

* * *

Сейчас здания, долгое время служившего привычной декорацией к варварским храмам, не существует. Декорация – пустырь, Москва-река и здание МОГЭСа на противоположном берегу.

Разве что сохранилось несколько рецептов – фирменных, «Российских», по которым здесь готовили деликатесы для командировочных из регионов. Впрочем, особенно деликатесными сегодня их не назовешь.

Салат «Российский» – филе рыбное (любое), средняя картофелина, корень петрушки, небольшой соленый огурец, четверть яблока, каперсы, ложка майонеза, соль.

«Российская» похлебка – четверть курицы, картофелина, четверть луковицы, половинка корня петрушки, столовая ложка сметаны, ползубчика чеснока, половина моркови, две

горошины перца, 15 граммов сливочного масла, лавровый лист, укроп, петрушка, сельдерей и соль.

«Российские тефтели» – 75 граммов мясного филе, 25 граммов сала, 15 граммов сухих грибов, 50 граммов сметаны, 25 граммов томатной пасты, столовая ложка муки, столовая ложка подсолнечного масла, 15 граммов сливочного масла, восьмушка лимона, половиночка луковицы, петрушка, соль, петрушка, сельдерей, воды 15 граммов.

А на десерт кисель овсяный – 250 граммов овсяных хлопьев, 750 граммов воды, долька лимона, сахарный песок и соль по вкусу.

«Замочите в теплой воде овсяные хлопья и поставьте на сутки в теплое место. Набухшую массу процедите через марлю и отожмите в кастрюлю. В белый сироп добавьте лимонный сок, сахарный песок и соль, прокипятите, остудите, разлейте в стаканы или чашки, сверху положите варенье или налейте немного кипяченого молока».

Кто сейчас станет стараться ради этого копеечного варева – замачивать, выстаивать, цедить и хлопотать? Гораздо проще и возвышеннее африканский ройбуш или сенча из Японии. Правда, для нас подобная экзотика – уже обыденность, а по-настоящему экзотичным, пожалуй, оказался бы как раз кисель из овса.

* * *

Рядом с гостиницей стояла (а теперь торчит на фоне пустыря) малюсенькая церковь Зачатия Анны, что в Углу (пока было живо Зарядье, говорили «в Кривом переулке»). Древняя (но неоднократно перестраиваемая, последняя «версия» относилась к 1802 году, однако во время реставрации в 1950-х годах совсем уж поздние пристройки убрали) и удивительно компактная, она считается одним из самых ценных памятников зодчества. Хотя существовал вполне реальный шанс ее утратить. И разрушители эпохи СССР здесь не при чем – беда над ней нависла много раньше, в 1889 году. Газеты сообщали: «Вчера, 14 января, в 6 часу вечера, дано было знать пожарной команде городской части о начавшемся пожаре в Зарядье, в церкви Зачатия св. Анны. По прибытии пожарных оказалось, что под церковью, в подвале со сводами, где находился склад грецких орехов крестьянина С. Ф. Карева, горели мешки. Сильный дым, пробивавшийся в щели пола, наполнял внутренность храма. Пожарные, сломав двери подвала, вскоре потушили огонь без вреда зданию. Сгорело несколько мешков с орехами. Причину пожара относят к неосторожному обращению с огнем какого-либо из рабочих Карева, ходивших во втором часу ночи в подвал за товаром. Убыток не приведен в известность. По случаю пожара в храме всеобщей не было. Отводить подвалы церквей под склады товаров – едва ли уместно».

Эх, наивная душа – автор заметки. В те времена складировать товары именно в подвалах и подклетах храмов было делом самым верным и обычным. Там реже воровали, там ниже арендная плата. Опять же, доступ круглосуточный – хоть ночью, в два часа. И виноват был не Карев со своими грецкими орехами, а общемосковская, да что там – общероссийская, практика.

(Впрочем, этой церкви было не привыкать гореть. Еще в 1493 году один из документов сообщал: «Из города торг загорелся и оттоле посад выгорел возле Москву-реку до Зачатия на Востром конце и по Васильевский луг, и по все Святые на Кулишки и Стретенска улица вся выгоре до Всполя и церковь камена Оусретение горе. И много бо тогда людем скорбости бысть: большой двою соть человекъ згоре людей, а животов бесчислено выгоре. А все то погоре единого полудни, а летописец и старые людие сказывают: как Москва стала, таковъ пожаръ не бывал».)

Спустя всего пять лет церковь опять попала на страницы газет. В «Московском листке» вышла статья «Святотатство»: «5 января, в 11 часов утра, в церкви Зачатия Анны, что в Кривом переулке, мещанка Степанида Бордукова, 34 лет, прикладываясь к иконе Успения Пре-

святой Богородицы, бывшими при ней ножницами отрезала золотой крестик и хотела скрыться с ним, но была замечена, и брошенный ею крестик найден за бочкою во дворе. Преступница в святотатстве созналась».

Так и представляется эта история (произошедшая, опять же, вскоре после празднования Нового года, что-то в этом, вероятно, есть). Тридцатичетырехлетняя баба (по нынешним временам – девушка) приходит в храм якобы молиться, но на самом деле на уме у нее другое. Вооружившись ножницами, девушка Степанида – цап! – и перекусывает ими хиленькую цепочку золотого крестика. А после понимает, что ее заметили. И выбегает во двор, и несется к спасительной бочке (вероятно, с краской или же с капустой квашеной), и успевает-таки сбросить крестик! Да не тут-то было! Бдительных московских богомольцев на мякине не проведешь!

Вина доказана, преступница созналась. И не в воровстве, а в святотатстве – потому что в этом случае важнее был не сам факт кражи, а то, где и у кого крадут.

* * *

Впрочем, для многих этот храм был олицетворенным воплощением христианства – с его таинствами, сказкой, свечным духом. Уже упомянутый житель Зарядья И. А. Белоусов даже посвятил ему трогательное стихотворение:

Помню – в детстве мы ходили
В церковь с нянею «к страстям»,
И с зажженными свечами
Мы стояли долго там.
Поздним вечером из церкви
Возвращались мы домой,
Пламя свечи я от ветра
Загораживал рукой.

Это, конечно, не воспоминания Шмелева, но тоже достаточно трепетно. А при желании этот стишок можно и петь во время мирного застолья – на мотив «спой мне песню, как синица тихо за морем жила». Светлого умиротворения в компании значительно прибавится.

* * *

Кстати, тот же Белоусов обучался здесь, при церкви читать-писать-считать. Он вспоминал о своих «университетах»: «Когда мне исполнилось восемь лет, отец вздумал обучать меня грамоте. Дома до восьми лет меня никто не обучал, и я не знал ни одной буквы. Да и обучать было некому, – отец был полуграмотный, а мачеха совершенно неграмотная.

Отец отвел меня к дьячку своего прихода – «Зачатие праведной Анны». Дьячок не сам обучал грамоте, – этим делом занималась его жена. Обучение шло сначала по церковно-славянски, а потом уже учили гражданскую грамоту. Азбуку мы учили с указками, эти указки так были распространены, что продавались не только в писчебумажных магазинах, но имелись и в овощных лавках.

Буквы и склады – двойные и тройные – мы повторяли за своей учительницей хором, вода по азбуке указкой. Как трудно давалась эта наука, можно было судить по тому, что листы азбуки после изучения ее оказывались насквозь продырявленными.

Я вспоминаю одного ученика – сына булочника из Замоскворечья, – ему так трудно давалась азбука, и так он ее возненавидел, что, проходя по Москворецкому мосту, утопил книжку в Москве-реке».

Сам же Иван Алексеевич в обучении преуспел, и даже сделался поэтом, отдавая процитированными чуть выше строками своего рода долг и перед церковью Зачатия Анны, и перед дьячком, и, разумеется, перед его женой.

Среднерядье

Здание Средних торговых рядов (Варварка, 1) построено в 1894 году по проекту архитектора Р. Клейна.

Собственно говоря, ряды здесь находились задолго до того, как мастера-строители по чертежам зодчего Клейна – между прочим, автора универмага «Мюр и Мерилиз» (нынешний ЦУМ), а также музея изящных искусств на Волхонке – возвели нынешнее здание. Старые торговые ряды (их тоже называли Средними) тут были еще в восемнадцатом веке. Да и раньше эта территория использовалась, в основном, под нужды именно торговые.

Так уж получилось.

Надо заметить, до строительства цивилизованных рядов (как Верхних, так и Средних) все подкремлевское торжище представляло собой зрелище диковатое. Н. Скавронский так описывал московские торговые ряды в 1862 году: «Ряды составляют свой особый мир, с своим уставом, своим взглядом на вещи, со своими понятиями о деле и чести, с своим языком, с своим обращением, которое даже известно и большинству под названием рядского... Рядов несколько, и каждый из них имеет свое особенное название по предметам обращающейся в нем торговли: Суровской, Панской, Юхотной, Москательная линия, Серебряная линия и т. п. Названий очень много; немало из них уже потеряли свое значение. Что, например, за Ножевая линия, в которой преимущественно торгуют модными товарами? Не обидно ли для русских фабрикантов название Ветошного ряда, где они более всего помещаются? Неужели весь их товар не более как ветошь? Это названия старые, не имеющие уже ничего общего с настоящим.

Есть даже особый Квасной ряд, который легко и удобно может заменить старинный Обжорный... Ряды занимают два огромных сарая, несколько не приноровленных к делу зданий. Это громадные погреба, или пещеры, на открытом воздухе: сырость в них, особенно зимою и осенью, по словам даже невзыскательных торговцев наших, убийственная; человек, не привыкший к их атмосфере, которая в большую часть года может сравниться с копиями сибирских россыпей, может в непродолжительном времени нажать ревматизм или простудиться в них навсегда... Привычка заставляет выносить все дурное влияние этих помещений. Купцу, залитому жиром, тепло одетому, да еще по большей части выпившему, разумеется, тепло; многие же из числа торгующих, люди не так огражденные своим сложением и желающие делать дело со свежей головой, давно и крепко жалуются на наши ряды, и мы служим только отголоском общего о них мнения, несколько не желая быть выскочкой... Представьте себе только сырую, мокрую погоду или снег: везде течет, метет, завевает, везде сырость, лужи или сугробы снега, которые кучами располагаются в рядах, за исключением тех, которые несколько скрыты, – там вместо этого вода, спускаясь по трубам, пробивает в худые рамы – отовсюду сырость, из воздуха, из стен, сверху, снизу... Безалаберщина в рядах страшная, временем пройти в них трудно. В москательных наставлены бочки, бочонки, плиты олова, бутылки с разными кислотами; в красных – кипы товару, коробки, скамейки, все это почти на самой дороге, без порядку, без всякой идеи удобства; Меховой ряд заколочен и завешен изнутри лавок синим коленкором, чтобы свет как можно слабее проходил и таким образом меха казались бы темнее. Есть, разумеется, немного исключений из торговцев мехами, которые не прибегают к этому способу. Юхотный, Хрустальный, Ветошный представляют те же неудобства... Юхотный из всех особенно грязен и сыр, как глубокий погреб, Хрустальный завален более других тесно, несмотря на то, что открыт; Ветошный узок, тесен и часто в буквальном смысле непроходим, особенно при входе... Нельзя, разумеется, требовать безусловной чистоты от места, в котором с утра до ночи кипит работа, но нельзя допускать совершенно открытый произвол

в загромождении прохода и часто загораживании соседней лавки, что ведет к нередким крупным перебранкам и неудовольствиям между даже крайне неприхотливым купечеством нашим. Артель – замечательная общественная форма производства работ – несмотря на всю ловкость и привычку к делу, решительно выбивается из сил от неудобства положения и неимения никаких вспомогательных средств своим сильным рукам, ни блоков, ни носилок, даже лишенная иногда возможности продвинуть и тележки между узкими проходами».

Тем не менее, именно эта структура поганых, нелепых, порочных и тесных рядов сформировала структуру российской торговли. Сам же Скавронский признавал: «В рядах вырастает и образуется большинство московского купечества; здесь же вырабатывается и приказчик – самый близкий и деятельный слуга русской торговли; в них со всех концов России свозятся дети бедных мещанских и упавших купеческих фамилий учиться торговому делу и иметь возможность жить впоследствии трудом».

Но и здесь все не просто: «Вот мы и наталкиваемся на образ вырастания, на образ воспитания купца, на метод учения купеческого мальчика. Ставим им в параллель толпы нищих, ежедневно осаждающих амбары и лавки, лиц, большею частью не возбуждающих сострадания, а скорее противное – отвращение и за малым исключением играющих роль потехи для сытого купца в свободное время, – есть где поучиться делать доброе дело. Несколько экземпляров отъявленных мерзавцев – выгнанных из службы чиновников, военных служак – часто удивляют своим нахальством и грубейшими выходками, часто против общественно-уважаемых людей, нередко их затрагивающих, немалое число пропившихся, возбуждающих искреннее сожаление, пропавших от сумасбродной благотворительности и доводимых дразнением целой толпы едва ли не до припадков сумасшествия – невольно загрубляют деликатность молодого чувства, идя каждое утро к своим мучителям за куском хлеба, который покупают крайней степенью унижения. Разврат, скрытый, спрятанный, но, кажется, еще более яркий от этого, имеет также в рядах свое место: от лавки к лавке шляются разные богомолки, святоши, иногда монахини, которые нередко бывают предметом самых грязных шуток, молодые дети, часто почти дети четырнадцати лет, нередко прикрывают продажею пряников, конфет другое, более прибыльное ремесло, большею частью они и падают в соприкосновении с этим миром, многие выходят в люди, многие погибают в этой жизни. Пирожники, ветчинники, рыбники, разносчики всякой всячины, рабочие – надо отдать им справедливость – ведут себя много приличнее, в них живое чувство своего достоинства: нередко приходится слышать такие резкие ответы на обращаемые к ним торгующими шуточки, что невольно покраснеешь от того, что они обращены к русскому купцу. Бабы-солдатки, ходящие большею частью с разными плодами, также замечательно огрызаются иногда нередко от целого ряда, над которым шум и гам, как говорится, стоном стоят.

Несчастливая страсть подтрунивать, принимающая на свободе громадные размеры, переносится из рядов и в погреба, и в трактиры, и там вооружает против купечества половых, нередко даже и приказчиков, не говоря уже о мальчиках, на долю которых, на каждого и каждый день, придется пинков и щипков по десятку... Странно видеть все это в наше время, и особенно там, где, по-видимому, царит благочестие, где огромные образа в дорогих окладах, с теплящимися перед ними день и ночь лампадах и несколько раз в год повторяющимися молебнами, кажется, должны быть свидетельством о христианском направлении нравственности».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.